

Игорь Евсин

Ладонью солнце не закрыть

архимандрит
Иоанн (Крестьянкин)

архимандрит
Авель (Македонов)

митрополит
Симон
(Новиков)

Игорь Васильевич Евсин
Ладонью солнце не закрыть.
Архимандрит Иоанн
(Крестьянкин), архимандрит
Авель (Македонов),
митрополит Симон (Новиков)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69110158

*Ладонью солнце не закрыть. Рассказы об архимандрите Иоанне (Крестьянкине), архимандрите Авеле (Македонове) и митрополите Симоне (Новикове): Сибирская Благовонница; Москва; 2022
ISBN 978-5-00127-327-1*

Аннотация

Однажды архимандрит Иоанн (Крестьянкин) сказал, что вера похожа на солнце. Она светит и греет, и от нее нельзя отмахнуться – сделать вид, что ее нет, – как и солнце нельзя закрыть ладонью. То же можно сказать и о самом отце Иоанне, а также о его духовных сподвижниках и друзьях во Христе архимандрите Авеле (Македонове) и митрополите Симоне (Новикове). Они были как свечи, поставленные на Русской земле в самый темный безбожный период ее истории. И окружающие видели этот свет, потому что не заметить его было невозможно.

Публикуем книгу рассказов об этих известных всей России подвижниках веры в надежде, что она принесет духовную пользу православному читателю.

В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

Содержание

Ладонью солнце не закрыть	7
Для пользы Церкви, для блага дела	10
Матерь Божия чистоту любит	15
Иван Большой и Иван Маленький	33
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Игорь Евсин
Ладонью солнце не
закрывать. Рассказы
об архимандрите
Иоанне (Крестьянкине),
архимандрите
Авеле (Македонове)
и митрополите
Симоне (Новикове)

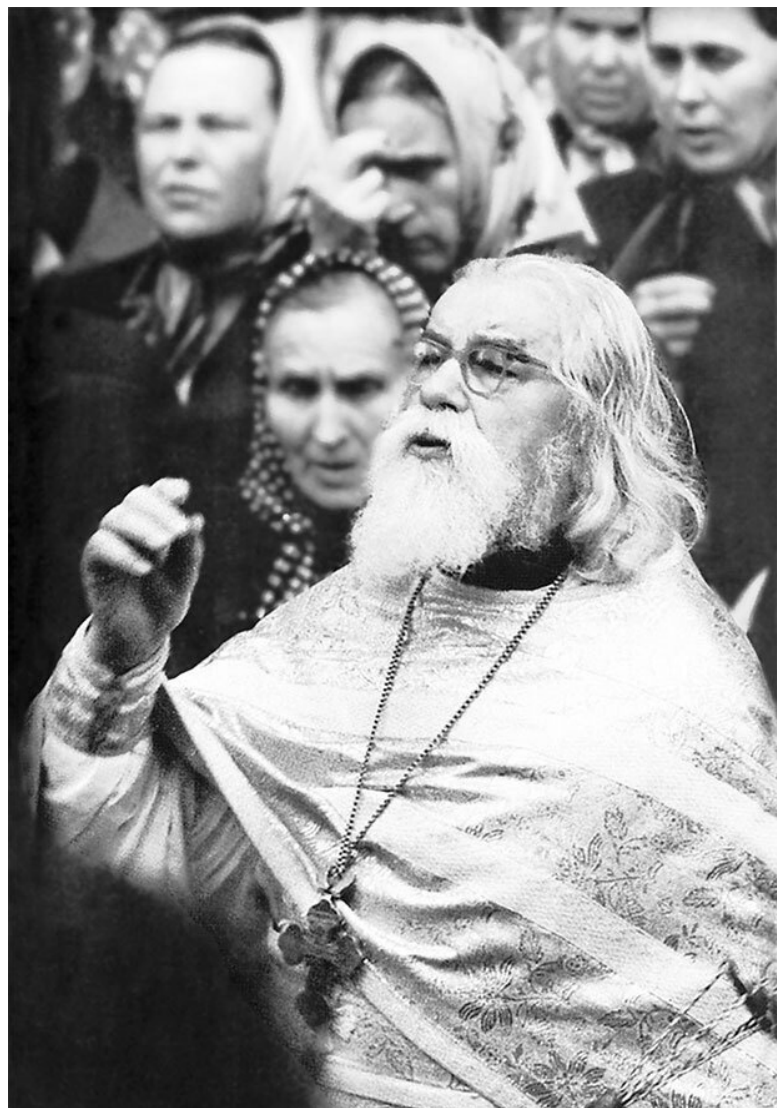
Допущено к распространению Издательским советом Русской Православной Церкви *ИС Р22-124-0597*

© Евсин И.В., текст, 2022

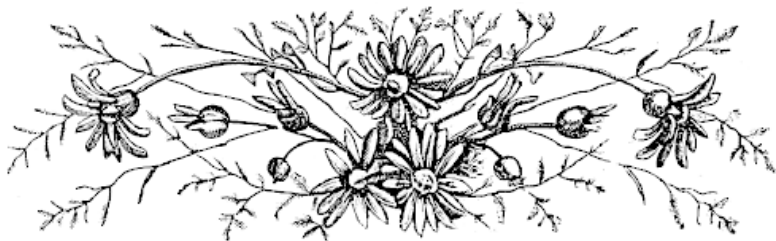
© Издательство Сибирская Благовонница, 2022

Ладонью солнце не закрыть
Рассказы об отце
Иоанне (Крестьянкине)

Для пользы Церкви, для блага дела

Рассказы об известном всему Православному миру старце отце Иоанне (Крестьянкине) охватывают большой период его служения в сане иерея. Это годы служения в миру, которые прошли в основном на Рязанской земле (1957–1967). То время было для Православной Церкви временем сложным, противоречивым, но и очень интересным с точки зрения приходской жизни того времени. В конце 1950-х – начале 1960-х годов, когда советская власть насильственно закрывала многочисленные храмы, отец Иоанн (Крестьянкин) говорил: «Не лишим себя храма, когда можем, но и с собою носить его поучимся. Сердцем упражняйся в незлобии, телом – в чистоте; то и другое сделает тебя храмом Божиим».

Конечно, богоборческие власти могли позакрывать церкви, могли даже разрушить их. Но совершенно невозможно было разрушить дома миллионов верующих, в которых, так же как и в храме, был иконостас. При этом многие из та-

ких домов, при отсутствии в округе храмов, становились местами для богослужений. Известно, что отец Иоанн (Крестьянкин) в соответствующем образе подготовленных рязанских крестьянских избах тайком проводил богослужения – литургии Преждеосвященных Даров – исповедовал, причащал, свершал требы. В тех селениях, где не было храмов, у него появлялись свои «уполномоченные по церковным делам» (в основном женщины), которые приготавливали свою избу к приходу отца Иоанна, чтобы он мог свершить там требы или отслужить литургию: развешивали иконы, устанавливали в тазы с песком восковые свечи, зажигали самодельные лампадки.

Каждый приход отца Иоанна был праздником и для тех, кто его встречал, и для него самого, ведь он встречался с Божиими людьми, которые не утратили живую веру в Бога. Ни гонения, ни запугивания не сломили простых русских крестьян. Особенно ревностно хранили веру «белые платочки» – так называли женщин, демонстративно носивших в церковные праздники и воскресные дни белые платки как символ своей верности Господу.

К приходу отца Иоанна «белые платочки» собирались в избе «уполномоченной по церковным делам». Если в селе когда-то был храм, то служба начиналась с молебна покровителю этого храма. После молебна батюшка совершал исповедь, соборование и причастие. После службы проводил панихиду.

А ведь тогда советской власти казалось, что вот еще немного, еще чуть-чуть, и она сможет показать по телевизору «последнего попа». Властителям думалось, что священники к 1980 году будут не нужны, ведь к тому времени они обязательно воспитают «единый советский народ» в духе «научного атеизма».

Громадная государственная машина по такому «воспитанию» работала в полную силу в то время, когда отец Иоанн служил на Рязанской земле. Давление на Церковь было такое, что некоторые священники отказывались от сана, а верующие публично отрекались от веры. Но вот чудо: прихожан в храмах становилось все больше и больше, а религиозность православных христиан становилась все глубже. Так ответил православный народ на ломку его духовных устоев.

Этот же народ воодушевлял и священников. Того же отца Иоанна (Крестьянкина), который прибыл на Рязанскую землю после пятилетнего заключения в лагере и двухлетнего служения во Пскове, откуда он тайно уехал из-за возможного повторного ареста. Уехал, не желая того, а по настоянию своего духовного наставника.

Конечно, при желании власти могли арестовать его и в Рязани. Почему этого не произошло, сказать трудно. Однако известно, что во время пребывания на Рязанской земле отец Иоанн находился под постоянным контролем спецслужб. Он знал это, но не боялся. Он верил в Божий Промысл над собой, который считал главным в жизни каждого

человека. Впоследствии, уже будучи архимандритом Псково-Печерского монастыря, отец Иоанн, вспоминая о своем служении в миру, не раз говорил:

– Уж чего я только не видел! Чего только не претерпел! Всё, всякие грехи к сердцу прилагались, но душа осталась чиста. Совесть чиста. Как зато теперь хорошо! Если бы вы знали, как хорошо про все это вспоминать и знать, что я совесть сохранил! От этого на сердце легко и радостно.

Потому и годы, проведенные на Рязанщине, батюшка называл благодатными. Он всегда вспоминал их с благодарностью к Богу и с признательностью к своим прихожанам, которые были простыми крестьянами. У них отец Иоанн никогда не уставал учиться народной мудрости, которая была плодом суровой жизни и детской веры в Бога. Эти люди были просвещены душой, они приоткрывали перед отцом Иоанном глубину своего восприятия жизни в миру. Впоследствии батюшка с умилением вспоминал простую речь рязанских крестьян, которая была исполнена прозрений. Именно общение с простыми верующими рязанцами открывало ему богатство Богом отмеченной души русского народа.

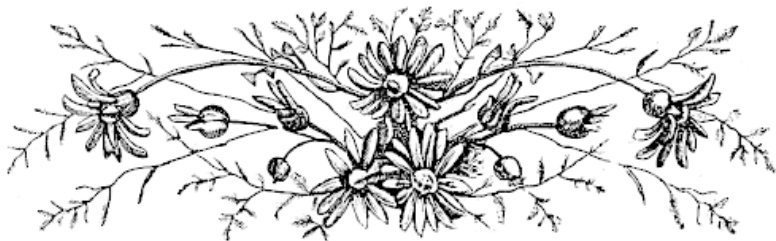
Духовническая деятельность отца Иоанна на Рязанской земле не могла остаться незамеченной властями. Чтобы оторвать батюшку от прихода, от полюбивших его прихожан, уполномоченный постоянно переводил батюшку из одного храма в другой. За десять лет служения в Рязанской епархии отец Иоанн сменил пять приходов. И на всех указах уполномо-

моченного о переводах батюшки в другой храм стоит приписка Рязанского епископа Николая (Чуфаровского): «Переводится на благо Церкви и на пользу дела». Уполномоченный даже представить себе не мог, насколько эти слова были промыслительны. Казалось бы, какое благо, какая польза могли проистекать от постоянной перемены места служения? Да и откуда было знать ему, атеисту, что такое Божия воля? А вот владыка Николай знал это очень хорошо. «Отогрел души людей на этом приходе – пусть едет отогревать на другом. Возродил этот храм – пусть возрождает другой», – рассуждал он. Так и получалось.

Польза от таких переводов была очевидна. Храмы, из-за обветшалости готовящиеся к закрытию, восстанавливались, приходская жизнь оживала. Так и шел по Рязанской земле батюшка Иоанн (Крестьянкин) со своим неизменным чемоданчиком-саквояжем из прихода в приход «на благо Церкви, на пользу дела». Возгревал у людей веру, утешал отчаявшихся, ободрял унывающих и возрождал как храмы, так и души рязанцев. И по сути, не только служение в Рязанской епархии, но и вся жизнь батюшки прошла, по слову Рязанского владыки, «на благо Церкви и для пользы дела».

Матерь Божия чистоту любит

На Рязанскую землю отец Иоанн (Крестьянкин) прибыл из Пскова, откуда был вынужден в буквальном смысле бежать, спасаясь от возможного ареста. Батюшку хотели посадить в тюрьму за активную деятельность по реставрации псковского Троицкого собора. В этот собор он пришел служить после пяти лет заключения в лагерях, куда попал за выполнение своего священнического долга – за воцерковление огромного количества людей. Вот как это сформулировал начальник лагеря, выпуская батюшку на волю:

– Знаете, за что вы сидели? – спросил он у отца Иоанна.

– Нет, не знаю.

– За то, что вы, вместо того чтобы идти за народом, сами повели его за собой.

Однако, вернувшись из ссылки, отец Иоанн остался верен себе. В этом его ободряло и обетование Божией Матери, Ко-

торая явилась ему в заключении и сказала: «Ты будешь нужен людям».

Во Пскове, в Троицком соборе, где ему было определено служить после ссылки, отец Иоанн поновлял не только обветшалый собор, но и души своих прихожан. Он говорил горячие, полные глубокого не только духовного, но и житейского смысла проповеди, проводил личные собеседования, наставлял, утешал и, как мог, материально помогал малоимущим.

За такое дерзновение ему вновь стал грозить арест. Батюшка, предупрежденный об этом, быстро собрал вещи и в одночасье покинул Псков. Прихожане были разочарованы: «Мы-то думали, он наш истинный пастырь, а он...»

Но нет, отец Иоанн никогда не был ни лицемером, ни трусом. Прошедший в лагерном заключении через издевательства и пытки, он, не сломленный духом, всегда учил ничего не бояться в жизни, кроме греха. Его прихожане не знали, а отец Иоанн не имел возможности им объяснить, что скрыться от преследований его благословил духовник, игумен Иоанн (Соколов). А послушание и безоговорочную веру в Божий Промысл отец Иоанн (Крестьянкин) ставил в христианстве превыше всего. В своих письмах к духовным чадам он не раз приводил слова царя Соломона: *Сердце человека обдумывает свой путь, но Господь управляет шествием его* (Притч. 16, 9). «Свидетельствую я, – писал батюшка в одном из писем, – что лучшего и вернейшего пути нет, как

жить по воле Божией. А волю Божию нам ясно являют обстоятельства жизни».

Так, в 1957 году обстоятельства жизни привели отца Иоанна в Рязанскую епархию. Поспособствовал в этом духовно близкий ему человек – ключарь рязанского Борисоглебского собора отец Виктор Шиповальников. Отец Виктор был человеком интереснейшей судьбы. Так же как и отец Иоанн, он отсидел срок в советских лагерях. Вину ему вменялось священническое служение на оккупированной немецко-румынскими войсками территории – в Одессе. И он действительно служил в открытой румынами православной церкви. Однако официально его пытались обвинить также и за связь с английской разведкой, чего он даже под пытками категорически не признал. Вспоминая годы своих мытарств по лагерям, отец Иоанн и отец Виктор иногда цитировали слова, написанные неизвестным заключенным: «Со Христом и тюрьма нам – свобода, без Христа и свобода – тюрьма».

После досрочного выхода из Воркутинского лагеря отец Виктор служил в разных епархиях, пока в 1951 году не был переведен в Рязанскую епархию. Первым местом служения ему был назначен Космодамиановский храм села Летово, что недалеко от Рязани. Но однажды, во время паломничества в киевский Введенский монастырь, он встретился со старицей Ксенией. И она сказала ему: «Скоро Борис и Глеб дадут тебе хлеб». Через два года, в 1953-м, это предсказание сбылось.

Отца Виктора перевели на служение в кафедральный Борисоглебский собор города Рязани.

Отец Иоанн (Крестьянкин) познакомился с отцом Виктором Шиповальниковым в 1948 году через духовных чад владыки Николая (Ярушевича), митрополита Крутицкого и Коломенского, первого по времени председателя Отдела внешних церковных сношений Московского Патриархата. Дело в том, что они оба были духовными чадами владыки Николая. При знакомстве им было о чем поговорить, поскольку оба познали ужас сталинских лагерей. Оба дружелюбные, общительные, с тонким чувством юмора, они сразу подружились и пронесли эту дружбу через всю свою жизнь.

И вот, когда во Пскове на батюшку Иоанна начались гонения, то отец Виктор через Рязанского владыку Николая (Чуфаровского) помог ему перевестись в Рязанскую епархию. Приехав в Рязань, отец Иоанн остановился у женщины по имени Агафья. Агафья жила на окраине города в частном доме и ждала возвращения из заключения знакомого ей священника, отца Всеволода. Точное время его возвращения не было известно, но срок его уже подходил к концу. Как раз вместе с этим отцом Всеволодом к Агафье приехал и отец Иоанн.

Приехали они тайно, поздно вечером. По воспоминаниям Алевтины Мизгиревой, батюшки были плохо одеты, очень худые и подкашливали. За трапезой в доме Агафьи сразу установилась легкая атмосфера. Отец Иоанн рассказывал

что-то интересное, был весел, шутил, и всем собравшимся было легко и радостно. «Все сразу почувствовали высокую духовность и какую-то светлую радость, которой нам так не хватало в то тяжелое время, – вспоминает Алевтина Мизгирева. – Мы сразу полюбили батюшку. На наше счастье, он остался служить в Рязанской области, и у нас сохранилась возможность дальнейшего общения с ним».

Первым приходом в Рязанской епархии стал для отца Иоанна (Крестьянкина) Троицкий храм в селе Ясаково Спасского района. По воле Божией именно на Рязанской земле началось проявление духовных дарований батюшки Иоанна (Крестьянкина). Став обыкновенным сельским священником, он познавал народную жизнь и учился у простого народа духовной мудрости.

Когда прославляют какого-либо святого, в церковном песнопении поется: «По имени и житие твое». Иоанн (Крестьянкин) стал пастырем крестьян. Благодатным пастырем. Само имя Иоанн означает «благодать Божия», а фамилия Крестьянкин происходит от слова «крестьянин», то есть «христианин», как издревле называли русских селян. Таким образом, само имя Иоанна (Крестьянкина), по сути, означает «благодатный христианин».

Митрополит Рязанский и Касимовский Симон (Новиков), возглавлявший Рязанскую кафедру с 1972 по 2003 год, говорил о благодати, что она хотя и невидимая, но видимо проявляется в человеке. «Она видна на его лице, – говорил вла-

дыка Симон в одной из своих проповедей, – слышна бывает в разговоре. Как сладка беседа с таким человеком! Часто одно слово облагодатствованного человека целый камень снимает с наболевшего сердца, и на душе становится так легко, радостно, благодатно!»

Те, кто виделся с отцом Иоанном (Крестьянкиным), в своих воспоминаниях описывают именно такие чувства, о которых говорил митрополит Симон. К примеру, знаменитый художник-реставратор Савва Ямщиков, впервые встретившийся с отцом Иоанном на Рязанской земле, описал его как сияющего, радостного батюшку с доброжелательной улыбкой и искрящимися любовью глазами. Отец Иоанн показался Ямщикову Ангелом, буквально «парящим в воздухе».

Савва Васильевич, будучи творческим человеком с тонкой натурой, увидел в отце Иоанне «Ангела». Но все же в быту, в повседневности, благодатный батюшка был вполне земным человеком, обремененным житейскими проблемами и многочисленными священническими обязанностями. Вот обо всем этом – о проявлениях ангельской сущности его души и о тяжести административно-хозяйственных забот – мы и будем рассказывать.

Село Ясаково Спасского района Рязанской области, куда в 1957 году определили на служение отца Иоанна, до 1925 года называлось Троица-Пеленица, а Троицкий храм этого села в древности был соборным храмом существовавшего здесь Троицкого монастыря. В нем находилась чудотворная икона

Пресвятой Троицы, по преданию, приплывшая в эти места на пелене. Потому и монастырь называли Троице-Пеленицкий. Это же название перешло впоследствии на образовавшееся здесь село.

В 1940 году Троицкий храм был закрыт, а в послевоенные годы возвращен верующим. Его настоятелем стал игумен Дорофей – моряк, воевавший с фашистами на Северном море. Когда закончилась война, по зову Божию он принял монашество и сан. Отец Иоанн глубоко уважал живую веру отца Дорофея и был в послушании у монаха-настоятеля. «Мы с отцом Дорофеем – как родные братья от одной матери», – часто слышали от него прихожане. Забот у настоятеля и второго священника было невпроворот.

К 1957 году Троицкий храм обветшал до того, что крыша могла обвалиться в любое время. По назначению на служение в нем батюшка Иоанн стал сразу же заботиться о его ремонте. Кроме этого, он решил тайно написать для храма большие иконы. Тогда сделать все это казалось невозможным не только по материальным причинам, но и по причинам чисто политическим, ведь в то время власти не поощряли даже мелкий ремонт храмов.

Однако все это не устрасило отца Иоанна (Крестьянкина), и он с присущим ему рвением взялся за дело. Материальные трудности разрешились сами собой, после того как из Москвы в Троицкую церковь стали приезжать почитатели отца Иоанна, его бывшие прихожане. Благодаря их стараниям

и труду жителей Ясаково за один сезон была отремонтирована крыша и побелены стены храма. А как же могло быть иначе? Ведь верующие молились здесь веками, это намоленное место. Несколько столетий стоял в селе Троице-Пеленицкий монастырь. Не раз горели его деревянные строения, но снова и снова монастырь всем миром отстраивали. Но в конце концов от него остался только Троицкий храм.

Служа в Ясаково, отец Иоанн однажды приятно удивил своих прихожан. Благословясь у настоятеля Троицкого храма игумена Дорофея, он перестал брать вознаграждения за церковные требы. Весть об этом быстро распространилась по Рязанской епархии. Казалось бы, хорошее, благое дело, однако оно вызвало неодобрение среди некоторых рязанских иереев. Вскоре к отцу Иоанну (Крестьянкину) прибыла делегация от многодетных священников. Они были обеспокоены тем, что теперь прихожане их приходов будут приводить его в пример и требовать бесплатного проведения церковных треб. «Но как же быть нам, многодетным священникам? Нам же детей кормить надо!» – говорили они отцу Иоанну. Батюшка был крайне озадачен и позднее вспоминал этот случай как урок того, что может случиться, когда проявляется ревность не по разуму.

Занимаясь хозяйственной деятельностью и ремонтом Троицкого храма, отец Иоанн, конечно же, понимал, что священник должен обустривать не только храмы, но в первую очередь души людей. Утешать скорбящих, помогать обездо-

ленным.

А время, в которое отец Иоанн начинал свое служение на Рязанской земле, было скорбное. В селе Ясаково, как и во всей России, была еще не забыта боль утраты тех, кто не вернулся с войны 1941–1945 годов. Много селян оставалось в сталинских тюрьмах, многих загубили лагеря. По воспоминаниям ясаковских старожилов, вдовы и одинокие матери порой голосили по ночам, стоя на коленях перед иконами Христа и Божией Матери. Голосили от тоски и от безысходности своей тяжелой жизни. Людям нужна была духовная помощь. И они получали ее через игумена Дорофея и отца Иоанна, которые питали своих прихожан живой водой веры и любви к Богу.

Прихожанка Троицкой церкви Ольга Бирюля рассказывала, что старые ясаковцы вспоминали батюшку Иоанна (Крестьянкина) со слезами на глазах. Для них он был как светлый Ангел, который спустился с небес на ясаковскую землю. Всех батюшка утешал и отогревал своим добрым любящим сердцем. По его молитвам вдовы погибших и не вернувшихся с войны обретали веру в спасение семьи и помощь Матери Божией.

«Подойдет, бывало, светлый батюшка к нам, – вспоминала бывшая прихожанка батюшки, раба Божия Л., – всех добрым словом согреет, утешит, погладит своей ладошкой, а кому-то незаметно и денежку в карман положит. А еще он обладал даром целительной молитвы и прозорливости. Молит-

ва его была очень сильная, и были случаи, что она поднимала некоторых больных ясаковцев со смертного одра. Он и сам себя вылечил молитвой, как рассказывал нам сам батюшка Иоанн. Однажды он тяжело заболел, было у него воспаление легких. Врачи лечили его и наказали, чтобы он все кушал. А был пост. Написал он маме своей, а мама дала ответ: “Сынок, родной, умирай, а закон Божий чтить”. Стал он молиться о своем спасении Божией Матери и Спасителю горячей молитвой, кушал картошечку с масличком подсолнечным, когда можно было, вот и спасся.

Еще помню, что, венчая молодых, отец Иоанн со слезами на глазах молился за каждую молодую пару, напутствия давал, просил хранить верность друг другу. Батюшка очень любил маленьких детей, всегда благословлял их, одаривал гостинцами.

Отец Иоанн обладал красивым голосом, очень хорошо пел. Однажды к празднику убирали мы храм, батюшка подошел и говорит:

– Родные мои, убирайте чисто, Матерь Божия чистоту любит. И в храме, и в сердцах. Чистые сердцем Бога узрят.

А потом мы уже слышим наверху, где колоколья, батюшка так красиво запел: “Воскресение Твое, Христе Спасе, Ангели поют на небесах...” И так запел, что нам показалось, что это Ангелы святые поют! Хороший был батюшка, приветливый...

Когда были большие праздники – Рождество или Пасха,

он с отцом Досифеем все наше село обходил. А Ясаково тогда было село немаленькое – около ста домов. И во всех домах пели они церковные песнопения, славили Христа и окропляли жилища и их хозяев святой водой. Везде принимали их с радушием, а вот директор колхоза и председатель сельсовета не принимали их. Они коммунистами были и боролись с религией».

Окормляя приход Троицкой церкви, игумен Досифей и отец Иоанн не забывали и про тех, кто не имел возможности ходить в храм. И шли священники в отдаленные деревни и села, где церкви были порушены. Служили молебны, панихиды, исповедовали и причащали запасными Дарами, утешали и ободряли тех, кто не в силах был дойти до Троицкого храма. Впоследствии отец Иоанн рассказывал, как однажды приехал в одно очень далекое село, где священника не было тридцать лет, и смутился. Селяне в этот день не вышли на работу, были празднично одеты – а ведь шла летняя страда, то есть напряженная работа по заготовке сена! «Ну, не миновать мне беды, – подумал батюшка, – заберут меня в милицию и посадят!» Но по милости Божией тогда все обошлось.

За неустанные труды на ниве Божией, за горячую веру и доброту души настоятель Троицкого храма игумен Дорофей полюбил отца Иоанна, в котором обрел духовного брата. А тот в свою очередь прошел у него монашескую школу послушания. В связи с этим старожилы села Ясаково до сих пор помнят курьезную, но поучительную историю. Однажды в

начале Пасхальной седмицы некоторые прихожане пришли в храм к отцу Иоанну с поздравлениями. А игумен Дорофей как раз в этот день по делам в Рязань уехал. Батюшка встретил всех радостный, улыбающийся.

– Как я вам рад, чадца мои! – сказал он. – Вот спасибо, что вы пришли ко мне! Может, потрапезуем вместе? Вы чего-нибудь принесли с собой?

Прихожане опешили, ведь в трапезной стоял большой стол, на котором в честь Пасхи стояли разные угощения. Батюшку спросили, зачем нужно что-то еще, если на столе все есть.

Тогда отец Иоанн и говорит:

– А у меня нет благословения отца Дорофея брать что-либо с этого стола. Он неожиданно в Рязань уехал и ничего мне не сказал...

Вообще, жизнь игумена Дорофея и отца Иоанна походила на скитскую, а службы – на монастырские. Именно в то время в душе отца Иоанна окрепло всегда имевшееся у него желание стать монахом. Но прежде чем принимать такое важное решение, он захотел посоветоваться со старцем тогда еще открытой Глинской пустыни иеросхимонахом Серафимом (Романцовым). Игумен Дорофей благословил его на поездку туда.

Старец Серафим, проживший двенадцать лет аскетом-отшельником в горах Киргизии и к тому времени уже десять лет бывший духовником братии Глинской пустыни, после

первой же встречи признал в отце Иоанне (Крестьянкине) своего духовного сына и стал его наставником. Окрыленным вернулся отец Иоанн в Ясаково. Но здесь его ждало искушение. Некоторые духовные чада отца Иоанна, приезжавшие к нему в Ясаково из Москвы, вдруг почему-то оказались недовольны игуменом Досифеем. До того недовольны, что тайно от отца Иоанна написали Рязанскому владыке архиепископу Николаю (Чуфаровскому) жалобу на настоятеля ясаковского Троицкого храма. Владыка Николай вызвал отца Дорофея для объяснения. Вернувшись из Рязани, отец Досифей стал горько упрекать ничего не понимающего отца Иоанна.

Когда же выяснилось, в чем дело, отец Иоанн был потрясен происшедшим. Отец Дорофей наказал ему, чтобы он запретил своим духовным чадам приезжать в Ясаково. Батюшка исполнил послушание, данное ему настоятелем Троицкого храма. Отсылая провинившихся с прихода и на шесть месяцев отлучая их от общения с собой, отец Иоанн с горечью сказал:

– Я два года любовью и заботой согревал отца Дорофея, а вы по неразумию и своеволию разрушили то, чего мне удалось достичь большим душевным трудом...

И все-таки отношения между двумя священниками восстановились. Христианское смирение и понимание, что это был искус, победили вспыхнувший у игумена Досифея гнев. Их примирению способствовал и отец Виктор Шиповальников, навещавший своего друга отца Иоанна в Ясаково. Сбли-

зился отец Виктор и с игуменом Досифеем. Они оба были фронтовики и нередко рассказывали друг другу истории из военной жизни. Супруга отца Виктора матушка Мария говорила, что он часто вспоминал Божию помощь, которая была ему послана во время войны. Вот что, как она рассказывала, вспоминал отец Виктор:

«В 1941 году наша дивизия оказалась в окружении под Одессой. Многих, в том числе и меня, немцы взяли в плен. Я стал лихорадочно думать, как бы совершить побег. И вот, когда нас под конвоем проводили по Одессе и вели мимо кладбищенской церкви, я увидел большую канаву. “Все равно где умирать, – подумал я тогда, – здесь, в канаве, или же в плену”.

“Господи, помоги”, – сказал я тогда про себя, перекрестился и прыгнул в канаву. Конвой был плотный, и, казалось бы, этот прыжок не мог остаться незамеченным. Но Господь уберег меня от неминуемой смерти. Конвоиры ничего не заметили. Когда колонна ушла далеко вперед, я выполз из канавы и пришел в церковь. Прислуживавшие там монахини нашли мне светскую одежду и уголок для проживания. Так я спасся».

Со своей стороны игумен Досифей рассказывал историю о том, как держал на руках смертельно раненного друга. Тот, умирая, попросил его взять на воспитание его сына. И отец Досифей выполнил эту просьбу. После войны он с сыном своего погибшего друга жил в Прибалтике, где восстанавли-

вал храм. За это его арестовали и посадили в тюрьму.

А отец Иоанн не воевал. Из-за плохого зрения он не был призван в армию, но, так же как и его друзья-сомолитвенники, побывал в заключении. Все они порой предавались воспоминаниям о перенесенных в тюрьме тяготах. Отец Виктор, вспоминая о своих мытарствах, рассказывал, как следовательно, добываясь его признания о сотрудничестве с иностранными спецслужбами, бил его кочергой по затылку и таскал за длинные волосы из угла в угол... Хотя от него так и не добились признания в шпионаже, его все же осудили на пять лет лагерей как «социально опасного элемента» и этапом отправили в Воркуту, на реку Печору.

Отец Иоанн (Крестьянкин) тоже не раз вспоминал о перенесенных им допросах, во время которых следователь переломал ему все пальцы. А звали следователя так же, как и отца Иоанна, – Иван Михайлович. На допросы он, как правило, вызывал по ночам. Накануне кормили только селедкой, пить не давали. И вот ночью Иван Михайлович наливает себе воду из графина в стакан, а несчастный священник, прошедший без сна несколько суток и ослепляемый светом лампы в комнате следователя, томится страшной жаждой и выслушивает вопросы следователя. «Расскажи нам все – и ты будешь освобожден от мучений» – таков был смысл проводимых допросов. Но рассказывать было нечего. И отец Иоанн не признавал себя виновным ни в чем.

Следствие по его делу длилось полгода. Полгода пыток и

допросов. А впереди обозначилась новая ступень испытаний – лагерь строгого режима. Там, находясь в сложнейших условиях, батюшка не потерял теплоту любви, простоту и доброжелательность, которые он проявлял ко всем заключенным. За эти качества характера батюшки даже воры в законе и тюремная шпана относились к нему сочувственно и называли его с уважением «батя».

Один из солагерников, Владимир Кабо вспоминал, каким был в те годы отец Иоанн: «Я помню, как он шел своей легкой стремительной походкой – не шел, а летел – по деревянным мосткам в наш барак в своей аккуратной черной куртке, застегнутой на все пуговицы. У него были длинные черные волосы – заключенных стригли наголо, но администрация разрешила ему их оставить, – была борода, и в волосах кое-где блестела начинающаяся седина. Его бледное тонкое лицо было устремлено куда-то вперед и вверх. Особенно поразили меня его сверкающие глаза – глаза пророка. Но, когда он говорил с вами, его глаза, все его лицо излучали любовь и доброту. И в том, что он говорил, были внимание и участие к собеседнику. Иногда в его беседах могло прозвучать и отеческое наставление, скрашенное мягким юмором. Он любил шутку, и в его манерах было что-то от старого русского интеллигента».

Рассказывая о годах заключения, отец Иоанн вспоминал о том, как горячо он тогда молился. По его словам, молитве лучше всего учит суровая жизнь. Истинная молитва была у

него именно в заключении, потому что там каждый день он находился на краю гибели. «Повторить во дни благоденствия такую молитву невозможно. Хотя опыт молитвы и живой веры, приобретенный там, сохраняется на всю жизнь. А как часто душа без слов молилась Богу!» – говорил отец Иоанн.

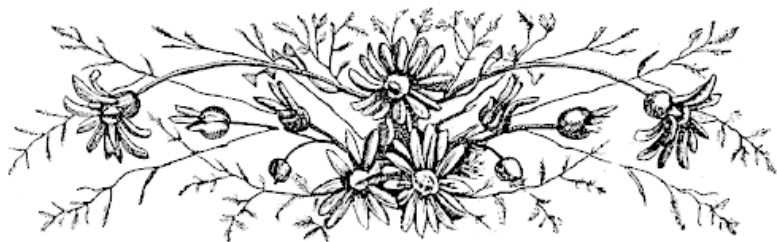
Вот в таких разговорах о тюремном прошлом игумен Дорофей и отец Иоанн (Крестьянкин) помирились и вновь сблизились. Однако теперь над их головами сгустилась туча. Уполномоченный, узнав о ремонте Троицкого храма, проведенном настоятелем, и об оживлении приходской жизни, очень разозлился. Он вывел отца Дорофея из штата епархии с «волчьим билетом», отобрав у него регистрацию. А это означало запрещение его в служении. А вот отцу Иоанну наказание последовало довольно мягкое. Он был переведен на новый приход, в село Летово.

Последняя служба батюшки в Ясаково была на праздник Воздвижения Креста Господня. На аналой положили крест, украшенный ветками кустарника с мелкими снежно-белыми плодами. На всенощной отец Иоанн с грустью помазывал своих, уже бывших, прихожан. Хор пел «Крест начертав Моисей...». По окончании службы батюшка воздвиг над головой крест, а потом благословил им народ. В храме стояла печальная тишина, у многих на глазах были слезы. Все понимали: это – прощание! Так символично благословил Господь Своего раба иерея Иоанна Крестом на дальнейший путь в новый храм, к новым прихожанам.

Убрали отца Иоанна из Ясаково, но два года его служения там дали свои плоды. Приходская жизнь пришла в движение, люди в округе вновь стали тянуться к Церкви. Да и Троицкий храм преобразился, привлекая к себе ангельской белизной и необычными иконами, установленными в нишах наружных стен. Но, конечно же, не только внешнее и внутреннее убранство храма было плодом деятельности отца Иоанна в Ясаково. Главным было убранство душ его паствы, чистота их сердец и помыслов его духовных чад, которым он часто говорил: «Матерь Божия чистоту любит, и чистые сердцем Бога узрят!»

Иван Большой и Иван Маленький

Космодамиановский храм села Летово был закрыт в конце 1930-х годов. Открыли его во время войны, когда Сталин дал послабление Церкви. Тогда верующие со всей округи стали стремиться туда попасть. В 1957 году настоятелем Космодамиановского храма был назначен священник Иоанн Смирнов. Вспоминая о своем служении в этом храме, он говорил, что ему тогда очень хотелось, чтобы богослужения были для прихожан понятными, чтобы требы хорошо воспринимались людьми, чтобы «радость людей приумножалась, когда они приходят в храм Божий или просят совершить на дому благодарение Господу за Его милость к нам, грешным».

В 1959 году в Космодамиановский храм на служение вторым священником назначили отца Иоанна (Крестьянкина). О первой встрече с ним отец Иоанн Смирнов вспоминал: «Это было под Троицкую родительскую субботу. Я вошел

в алтарь. Отец Иоанн стоял за престолом. Увидел меня, и лицо его просияло доброй улыбкой. Мы обнялись и подарили друг другу братский троекратный поцелуй. Я заметил, как у отца Иоанна загорелись глаза. Мне говорили, что с такими горящими глазами бывают люди с пылкой натурой.

Прошло несколько дней нашего сослужения. Мы быстро сроднились, и я заметил, что он действительно одарен пылкой натурой и стремительным характером в деле устройства вверенного ему храма и судеб верующих людей. Отец Иоанн имел призвание уделять внимание совершению святых таинств и требным пениям, особенно в храме. Сам любил исполнять их. А богослужения совершал не так часто.

Святые таинства и требы он совершал истово. Служение их занимало у него так много времени, что порой казалось, будто он совершает их не только в тех пределах, как они изложены, но значительно приумножает. Помню, как исповедовал отец Иоанн. Уже произносилось “Со страхом Божиим и верою приступите”. А он еще беседует с отдельными исповедниками».

Отец Иоанн (Крестьянкин) был ростом невысок, а отец Иоанн Смирнов, наоборот, был рослым, высоким человеком. Так их в народе и звали – Иван Большой да Иван Маленький. А сомолитвенником и близким человеком для них обоих был отец Виктор Шиповальников, который когда-то также служил в Летово.

Призванием отца Иоанна было проповедничество, а отец

Иоанн Смирнов как можно торжественнее обставлял церковные службы. Этим он поднимал у прихожан молитвенный настрой, возвышал их души ко Господу. Особенно трогательным было пение монахинь Браиловского женского монастыря, находившегося на Украине и закрытого в 1932 году. После закрытия Браиловской обители некоторые из монахинь перебрались на Рязанскую землю, жили при Космодамиановском храме и пели на клиросе. «Поют, как Ангелы», – говорили про них прихожане.

Ко времени служения отца Иоанна (Крестьянкина) в Космодамиановском храме сложилась небольшая общинка из разных разоренных женских монастырей. Тайно совершались и постриги. И батюшка Иоанн стал для матушек общинки не только духовным руководителем, но и заботливым отцом.

Вежливым, обходительным запомнился он летовским монахиням. Его деликатность характеризует следующий случай. Каждая из матушек выполняла свое послушание: Платонида пекла просфоры, Евдокия занималась шитьем, матушка Еннафа, старенькая монахиня, пела на клиросе. Раньше она обладала красивым, бархатным голосом. Но ко времени приезда в Летово отца Иоанна (Крестьянкина) голос у нее ослаб. На клирос пришли певчие из молодых послушниц. Матушка Еннафа на клиросе была больше не нужна. И тогда, чтобы утешить матушку Еннафу, батюшка Иоанн благословил ее читать в алтаре записочки о здравии и упокое-

нии. И даже поставил для нее в уголке алтаря креслице для отдыха.

Как-то он заметил, как одна женщина опустила в кружку для пожертвований три копейки. Увидев батюшку, она сильно застыдилась оттого, что так мало пожертвовала. А отец Иоанн, помня о лепте евангельской вдовы, с таким воодушевлением отблагодарил эту женщину, что она сразу преодолела смущение и у нее появился молитвенный настрой.

Но при необходимости отец Иоанн был очень даже строг. Летовские старожилы помнят, как однажды он вывел из храма одну прихожанку за то, что она нарушила свое обещание. А дело было вот в чем. Читая женщинам, совершившим грех аборт, разрешительную молитву, батюшка брал с них слово, что повторять его они не будут. Но одна из женщин совершила грех аборт повторно и опять пришла к нему за разрешением греха. Очень рассердился тогда отец Иоанн.

– Как же так, – сказал он, – ты же ведь слово давала, крест целовала! И, нарушив обещание, вновь совершила тяжкий грех детоубийства!

О строгости отца Иоанна говорит такой случай. Как-то приехала к нему на службу некая раба Божия С. Батюшка в это время исповедовал. Женщина в предвкушении встречи с ним стояла и улыбалась. Когда же подошла очередь ее исповеди, отец Иоанн не допустил ее, сказав:

– А тебе еще не время.

Так он прикровенно показал этой женщине, что во время

исповеди не улыбаться надо, а сокрушаться о своих грехах. О чем потом сказал ей прямо:

– Коль уж ты пришла в храм, то должна стоять скромно.

Старожилы села Летово вспоминали, что отец Иоанн очень любил детей. Сиял от радости, когда приносили младенчиков для крещения. Он даже прощал молодых мам за то, что они редко посещают храм.

– Да, у тебя есть причина, – говорил он одной матери, – силы у тебя на ребеночка уходят. Но ты не переживай, его Ангел за тебя молится. А в храм все же старайся приходить как можно чаще, без этого сердце может зачерстветь.

Когда батюшке привозили вкусные угощения, он припрятывал их, а потом дарил детям. Однажды он угостил девочку сушеными бананами. Она впервые видела такую еду и с удивлением спросила, откуда батюшка ее взял. А батюшка с лучистой улыбкой сказал:

– Как – откуда? Со своего стола!

Проповедуя в летовском Космодамиановском храме, отец Иоанн говорил:

– Прошу тех, кто готовится привести своих детей на причастие, не убеждать их, что оно сладкое, что оно медок. Грешно говорить, что святое причастие вещественно. Да и детишек нельзя обманывать. Говорите им истину, по Божию вразумлению они все поймут.

Женщинам батюшка советовал быть для своих дочерей не просто мамами, но самыми близкими подругами, такими,

которым можно доверять все. А более всего убеждал он свою паству научиться любить друг друга.

Однажды с отцом Иоанном произошел случай, который просто поразил его своей поучительностью в вопросе любви к ближним. Будучи молодым иереем, он готовился к проповеди. А к слову, произносимому с амвона, он относился очень ответственно. Тем более батюшка хотел сказать слово о любви. Проповедь он писал днем, запершись в своем доме. Вдруг слышит стук в дверь. Увлечшись работой, отец Иоанн не стал открывать. Пусть, мол, думают, что меня нет дома. Стук повторялся несколько раз, но батюшка так и не открыл дверь. Вечером, когда работа была закончена, он встал из-за стола и вдруг вновь услышал, что кто-то стучится к нему. Он открыл и увидел соседку.

– Я уж заходила несколько раз, – смущенно сказала она, – да вас дома не было. А мне надо у вас немножечко денег занять, а то даже хлеба не на что купить.

Молодой иерей вспыхнул, покраснел, не знал, куда глаза девать. Подготовленную проповедь он никогда не произнес, она стала для него обличением, а сам урок запомнил на всю жизнь.

Позднее отец Иоанн в одном из своих писем говорил: «Любовь к человечеству – словесный блуд. Любовь к человеку конкретному, на нашем жизненном пути Богом данному, – дело практическое, требующее труда, усилия, борьбы с собой, со своей ленью».

Нелюбовь, злонравие и гневливость батюшка считал отвратительными пороками.

– Вот вы все люди, – говорил он своим прихожанам, – а ведь в ярости можете покусать друг друга. Да-да, именно покусать. Пусть не зубами, а словами. Но, по слову Иоанна Златоуста, гораздо хуже кусающихся те, которые делают зло словами. Первые кусают зубами тело, а последние угрызают словами душу. Молю вас: не кусайте друг друга!

Батюшка Иоанн (Крестьянкин) проповедовал много и охотно. Протоиерей Иоанн Смирнов писал:

«Отец Иоанн, большой знаток проповеди, часто говорил или читал их пространно. Мог говорить их полчаса, час, а то и более часа. Часть прихожан иногда тяготилась такой пространной в общей сложности службой, так как приходили в церковь издалека, а другие прихожане очень благодарили его за длительные богослужения, особенно те, которые часто к нему приезжали, считая себя его духовными детьми.

Надо сказать, что по своей пылкости и боголюбию отец Иоанн пользовался значительным авторитетом у верующих людей, и, если бы были для того условия в то время, за ним пошло бы очень большое количество верующих людей, потому что он очень умел проявить сочувствие к страждущим».

Однажды на одном из богослужений произошел знаменательный случай, о котором рассказал со слов схимонахини Мариамны клирик Рязанской епархии протоиерей Георгий Булеков. «Матушка Мариамна (в миру Мария Сучкова) с

юных лет ходила к отцу Иоанну на службу в село Летово. И вот однажды, когда он с амвона благословлял верующих крестом, она увидела, что батюшка на некоторое время чудесным образом возвысился и не касался ногами пола, находясь на воздухе. Когда Мария подошла к нему целовать крест, батюшка сказал ей, чтобы она никому не рассказывала о том, что видела. А впоследствии отец Иоанн дал Марии кусок мантии и таким образом предсказал ей монашество».

Совершая богослужения и требы, занимаясь проповеднической деятельностью, батюшка Иоанн (Крестьянкин) много сил отдавал и делу внешнего благоустройства Космодамиановской церкви. Добывал средства на ремонт храма.хлопотал о тайных покупках необходимых стройматериалов, которые на случайных машинах, на электричках доставлялись ему из Москвы добровольными помощниками. Сам ездил в столицу, к знакомым, чтобы договориться о пошиве на престольного плата для летовской Космодамиановской церкви.

Настоятель церкви протоиерей Иоанн Смирнов в своих рукописных воспоминаниях о служении в Летово характеризовал отца Иоанна так:

«Отец Иоанн любил всегда быть в приходе вторым священником, но деятельность свою проявлял первостепенную. Поэтому у всех людей, которые имели отношение к нему и к церкви, создавалось впечатление, что отец Иоанн старше настоятеля как по возрасту, так и по опыту деятельности.

Отец Иоанн имел призвание больше уделять внимание та-

инствам и требным пениям, особенно в храме, а поэтому любил исполнять их, а богослужения свершал не так часто. Всенощные бдения и Божественные Литургии и воскресные праздники совершать приходилось больше мне, а он читал каноны, если было свободное от треб время.

В двенадцатые, престольные и великие праздники отец Иоанн, как всегда, был занят церковными требами. Святые Таинства и требы он свершал истово...»

Летом 1960 года отец Иоанн совершил паломничество в Пюхтицкий и Псково-Печерский монастыри. В Пюхтицкой обители батюшка утешался общением с духоносными старцами, а в Псково-Печерском монастыре он встретился с владыкой Вениамином (Федченковым).

Митрополит Вениамин (1880–1961) – личность в истории Русской Православной Церкви незаурядная, поэтому вкратце расскажем о нем. Миссионер, духовный писатель, он оставил обширное наследие. Среди его трудов – работы, посвященные догмату искупления, литургическому наследию Церкви, объяснению молитвы Господней, имяславию, жизнеописания Иоанна Кронштадтского и Серафима Саровского, сокращение и дополнение «Житий» святителя Димитрия Ростовского, дневники, мемуары. Написанные прекрасным языком мемуарные труды митрополита Вениамина являются ценным источником по русской церковной и гражданской истории первой половины XX века.

В 1920 году владыка был участником Белого движения,

благословил барона Врангеля на пост главнокомандующего Южными войсками, а сам по его предложению стал во главе военного духовенства белой армии. «Для Церкви и белые, и красные, если только они верующие, одинаково приемлемы, а следовательно, я, работая с белыми, не уйду от народа» – так считал владыка Вениамин.

После разгрома Врангеля красными войсками эмигрировал из России. В 1921 году участвовал в работе Русского всезаграничного церковного Собора в Сремских Кар-ловцах (Сербия). С 1933 года владыка был экзархом Московской Патриархии в Америке и носил титул архиепископа Алеутского и Северо-Американского, а с 1938 года возведен в сан митрополита. После войны вернулся в СССР и с 1948 года управлял различными епархиями. В 1958-м владыка был почислен на покой с пребыванием в Псково-Печерском монастыре.

Примерно к тому времени и относится знакомство отца Иоанна с маститым архиереем, который отнесся к нему с уважением и всегда радушно принимал его. Их встреча в 1960 году стала последней. Словно предчувствуя это, митрополит Вениамин после разговора с отцом Иоанном долго прощался с ним. Даже проводив его до двери, владыка медлил с расставанием и вдруг отошел в свою келью, оставив гостя в недоумении.

Вернулся он с небольшой полоской бумаги, на которой было что-то написано. Обнял отца Иоанна за плечи и, глядя

ему прямо в глаза, сказал:

– Пора нам всем понять, что мы являемся существенной ненужностью никому, кроме Бога.

Потом владыка вложил в руку отца Иоанна полоску бумаги, на которой были записаны эти слова, еще раз благословил его и легонько подтолкнул к двери. Через год владыка скончался и был погребен в пещерах Псково-Печерского монастыря. Место его погребения до сих пор окружено почитанием паломников.

Отец Иоанн (Крестьянкин) всегда с благоговением вспоминал об этой последней встрече с митрополитом Вениамином, а данную им записку хранил как реликвию. Когда же батюшка стал насельником Псково-Печерского монастыря, то часто в своих беседах с духовными чадами приводил слова, сказанные ему владыкой и написанные в его записке: «Пора нам всем понять, что мы являемся существенной ненужностью никому, кроме Бога».

Конечно же, люди, не живущие духовной жизнью, с этим утверждением не соглашались и не соглашаются. Их доводы очень простые: детям нужны родители, пожилым родителям нужны заботливые дети, больным нужны врачи и так далее. С точки же зрения отца Иоанна, высказывание митрополита Вениамина говорит не об этой нужности. Ненужность – это вовсе не бесцельность и бессмысленность. Если человек обретает смысл в Боге, он нужен и Богу, и людям, а если он такого смысла не обретает – что он может дать другим?

Свои способности? таланты? деньги? Они, конечно, могут быть нужны, но все это в конце концов заканчивается, и тогда зачем такой человек нужен другим? Но если человек будет любить Бога, тогда он сможет по-настоящему любить и других людей.

Отец Иоанн часто говорил своим чадам, что главное в жизни человека – любовь: «Верьте Богу, доверяйтесь Его всегда благой о нас воле... Любите Бога! Любите любовь и друг друга до самоотвержения». Вот чем может быть нужен человек другим – любовью и верой в Благоую волю о нас, в Божий Промысл, который отец Иоанн считал главным в жизни человека. И если мы поймем это, тогда нам станут понятны слова владыки Вениамина. Тогда мы осознаем, что это Господь дает родителям детей и сохраняет детей для родителей, что Он посылает больным врачей. Когда мы увидим во всем происходящем с нами Божий Промысл, тогда и придет к нам понимание того, что мы никому не нужны, кроме Господа, Который делает нас сознательными соучастниками Его Промысла, со-творцами своей собственной жизни и нужны-ми людьми в жизни наших ближних.

Об этом неоднократно говорил в своих проповедях отец Иоанн (Крестьянкин). А митрополита Вениамина он считал человеком святой жизни и очень скорбел о его кончине. Но Господь послал батюшке утешение. В год отшествия владыки в небесные обители (1961) отец Иоанн познакомился с духоносным старцем, иеромонахом (впоследствии

архимандритом, наместником Иоанно-Богословского монастыря) Авелем (Македоновым). В то время отец Авель служил священником собора в селе Борец, куда был назначен в 1960 году после своего возвращения из Ярославской епархии.

Судьбы отца Авеля и отца Иоанна были схожими. Оба они были гонимы уполномоченными, оба сменили множество приходов и оба познали глубинную жизнь простых русских крестьян. И потому они сразу сблизились. А знакомство их произошло так. В 1961 году во время Великого поста иеромонах Авель приехал в Летово в Космодамиановскую церковь, чтобы возглавить вечернюю праздничную службу и свершить постриг церковнослужительницы Евдокии в монахини.

Вспоминая приезд отца Авеля в Летово, отец Иоанн Смирнов говорил, что тогда стояла теплая погода, сияло весеннее солнце, пели жаворонки и скворцы. Во второй половине дня на Летовской горке с чемоданом в руке появился отец Авель. После короткого чаепития и отдыха все пошли в церковь к вечерней службе. Вечернее и утреннее богослужения возглавлял отец Авель, а отец Иоанн Смирнов, хотя и был настоятелем, служил вторым священником. Отцу Иоанну (Крестьянкину), поскольку он уже имел опыт по подготовке к постригу, было поручено приготовить к этому чину все нужное.

Известно, что знакомство отца Иоанна с отцом Авелем

переросло во взаимную дружбу, и впоследствии они часто виделись. Когда же отец Иоанн стал насельником Псково-Печерского монастыря, то отец Авель неоднократно приезжал к нему. Когда же тот стал наместником Иоанно-Богословского монастыря, отец Иоанн прислал ему в знак уважения и любви во Иисусе Христе искусно вышитую и богато украшенную плащаницу Пресвятой Богородицы.

Взаимоотношения же отца настоятеля Иоанна Смирнова и второго священника Космодамиановской церкви иерея Иоанна (Крестьянкина) первоначально складывались непросто. Именно поэтому рассказ о них может быть очень поучительным для нас. Начнем с того, что, согласно воспоминаниям отца Иоанна Смирнова, в устройении церковно-хозяйственных дел отец Иоанн не всегда прислушивался к его мнению. Иногда поступал самостоятельно, непланомерно. И порой его дела не приносили должной пользы. Потому отношения Ивана Большого и Ивана Маленького порой бывали натянутыми. Отец настоятель Иоанн Смирнов иногда даже раздражался на отца Иоанна (Крестьянкина). В свою очередь батюшка относился к настоятелю с пониманием и жалел его, зная о тяжелой неизлечимой болезни его дочери-подростка. Но, когда раздражение настоятеля переходило на духовных чад отца Иоанна, батюшка защищал их, как наседка защищает своих птенцов.

Сусанна Валова однажды стала невольной свидетельницей такого случая.

«Мы пошли на кладбище навестить могилки, – вспоминала С. Валова. – Кладбище – рядом с храмом. Подходим и слышим: за кустами и деревьями разговаривают отцы. Говорят напряженно и громко... Настоятель требовал, чтобы никто к отцу Иоанну нашему не ездил. Слышим батюшкин голос, твердый и решительный:

– Отец Иоанн, если вы запретите моим духовным чадам приезжать сюда, меня здесь не будет».

Однако жили Иван Большой да Иван Маленький по апостольскому завету: *Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит* (1 Кор. 13, 4–7).

Сам же протоиерей Иоанн Смирнов об отношениях со своим сослужителем говорил так:

«Большое расхождение в складе характеров отца Иоанна и моего не мешало искренности и единению духа в наших отношениях, постоянно удавалось обретать братское любвеобилие. Уступая друг другу, мы постоянно находили общее мнение в деле благоустройства церкви и ее всесторонней жизни.

За период нашей совместной службы были установлены более четкие в уставном отношении богослужения, порядок и последовательность в совершении таинств и исполнении

церковных треб не только в храме, но и в домах близлежащих селений, примерно в радиусе до пятнадцати километров. Нашим общим стремлением было обставлять церковные службы как можно торжественнее, иметь хорошие новые облачения из парчи или шелка, чтобы престолы, жертвенники, богослужебные столы и аналои покрывались красивыми пеленами, цвет которых должен был соответствовать празднику. Чтобы были красивые светильники...

Стало вменяться в практику украшение храмовых и праздничных икон живыми цветами не только в летнее, но и в зимнее время. Надо сказать, что при помощи Божией нам с отцом Иоанном удалось достичь многого, и мы надеялись, что милостью Божией все, что следует, будет исполнено в храме, который вверил нам Господь».

Однажды протоиерею Иоанну Смирнову было видение, которое повторилось дважды. Он видел, будто в углу его комнаты стоит архиерейский жезл, источающий свет. Эти видения отец Иоанн (Крестьянкин) объяснил ему коротко и ясно:

– Ты станешь монахом, а потом архиереем.

Но отец Иоанн Смирнов, любящий свою супругу Варвару и дочку Людочку, и помышлять не мог о монашеском пути. Когда же после смерти Варвары он принял монашество с именем Глеб, а в 1976 году стал епископом, отец Иоанн прислал ему поздравительное письмо, в котором упомянул о его видениях и своем ему предсказании. Кроме этого, поздрав-

для своего бывшего летовского со-служителя, возведенного в сан епископа, он писал: «Все годы, прошедшие с тех пор, как разошлись наши жизненные пути, я вспоминал Вас в своих убогих молитвах, а в оставшиеся мои дни жизни буду молиться о Вас как архипастыре. Я также молюсь о здравии дщери Вашей и о упокоении усопших родителей».

При служении отца Иоанна (Крестьянкина) в Летово возникла большая нужда в совершении треб на дому. С просьбами о причастии преждеосвященными Дарами, о крещении, венчании или панихиде часто обращались из селений, которые отстояли от Летово на пятнадцать-двадцать, а порой и на двадцать пять километров. Добираться туда было делом нелегким. При этом такие просьбы поступали во множестве, но все они удовлетворялись. Такие посещения были настоящим праздником души для тех людей, которые по причине большой отдаленности не могли ходить в храм.

«Хорошо помню, – вспоминал отец Иоанн Смирнов, – что очень многие, принимая святые таинства или молясь во время молебнов, плакали... Большое значение придавалось тогда похоронам на дому, так как на похороны съезжались родственники усопшего из разных сел и городов. Большинство из них потеряли в своем сознании Бога, или искорка веры в них теплилась еле-еле. Особенно такое состояние наблюдалось у мужчин.

Помню: когда приезжаешь в дом и начинаешь облачаться у гроба, замечаешь, что у многих на лице появляется улыбка.

Как бы не замечая этого, делаешь свое дело – свершаешь чин погребения, стараешься читать все так, чтобы были понятны смысл и глубина этих чтений всем окружающим. Видно было, как лица становились серьезнее, даже у мужчин появлялись слезы на глазах и поднимались руки к челу, чтобы осенить себя крестным знаменем. Как было радостно на душе, ибо было заметно хотя бы временное оживление очерствевших сердец. Появлялась надежда, что, может быть, даже такое слабое молитвенное состояние преобразит человека и совершит благодатный переворот в его сердце. Случаев возвращения людей к вере, к Богу, о которых рассказывали мне в последующее время родные почивших, было немало».

Великим постом протоиерей Иоанн Смирнов сам выезжал в дальние села причащать тяжелобольных и всех тех, кто не мог прийти в храм. В таких случаях его возили на лошади. Но иногда он нанимал такси. Бывало, машина из-за бездорожья останавливалась, и приходилось идти по грязи пешком. Выезжал он ранним утром, а приезжал домой только поздним вечером. За это время он причащал по двухсот, а иногда и до трехсот человек.

Староста церкви Клавдия Голицина рассказывала, что отец Иоанн (Крестьянкин), так же как и отец настоятель, старался окормлять верующих далеких сел, где храмы были разрушены. Часто он отправлялся туда в дни престольных праздников этих уже не существующих храмов, чтобы отслужить литургию Преждеосвященных Даров. К приходу

батюшки верующие приготавливали какой-либо дом, в котором и свершались затем совместные моления. Там подметали и мыли полы, вешали чистенькие красивые занавесочки с кружевами, сплетенными своими руками. Готовили также и место для «малого алтаря», куда затем возлагался антиминос. На табуретки ставили ведра с песком, в который ставили свечи. Свечей тогда хватало. Многие держали свои пасеки и из пчелиного воска сами изготавливали свечи.

Приезжал батюшка Иоанн и служил молебен в честь святого, именем которого был назван престол разрушенной церкви. Потом всех исповедовал, служил литургию Преждеосвященных Даров и причащал. После литургии служил панихиду. Эти исповеди и причастия верующие окрестности села Летово запомнили на всю жизнь.

А прихожанам Космодамиановской церкви особенно запомнились проводимые протоиереем Иоанном Смирновым и отцом Иоанном (Крестьянкиным) светлые, праздничные службы в честь Божией Матери, например Успение Пресвятой Богородицы. Сень для плащаницы изготавливали духовные чада батюшки Иоанна (Крестьянкина) – резчики-краснодеревщики. Сама же плащаница рисовалась и вышивалась бисером.

На специальной подставке вокруг плащаницы размещали вазочки с гладиолусами. Эти вазочки делали из кефирных бутылок (в то время кефир и молоко продавались в стеклянных бутылках). Эти бутылки наполняли для устойчиво-

сти влажным речным песком и обтягивали белыми бумажными салфетками. Так получались белоснежные стройные вазочки. В них ставили белые гладиолусы. Все это смотрелось как-то особенно празднично и торжественно. На особой подставке, в отдельной вазе, ставилась пальмовая ветвь, которую привозили из Рязани духовные дочери отца Иоанна. Они ходили в библиотеки либо в сберкассы, где росли декоративные финиковые пальмы, и уговаривали сотрудников срезать для храма одну или две ветви.

Все девушки приезжали на праздник в белых платьях. Во время крестного хода вокруг храма они шли с гладиолусами, а две маленькие девочки бросали под плащаницу другие принесенные прихожанами цветы.

Но служение отца Иоанна в Космодамиановском храме было не только благодатным, но и опасным. Однажды он рассказал отцу Виктору Шиповальникову зловещую, но одновременно и курьезную историю. Батюшке стали присылать письма с угрозами вплоть до физической расправы. И тогда отец Иоанн собрал все эти письма и пошел к уполномоченному. Пришел к нему и показал одно из писем. В начале этого письма отца Иоанна обругали матом, а затем прямо пригрозили: «Знай, поп, что твоему архиерею мы толстое пузо разрежем, а тебя, очкарик, на столбе повесим». Подпись под этими словами стояла такая: «Честное комсомольское».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.